

“РУСЬ” И “ЧУДЬ” ИВАНА БУНИНА (К ПРОБЛЕМЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЯ)

© 2005 М.Ю. Фиш

Воронежский государственный университет

Тема загадочной русской души стала одной из тех, к которым И. Бунин обращался на протяжении всего своего творчества. Писатель, далекий от идеализации народа, обнаживший самые отрицательные его черты, тем не менее как никто другой любил и остро чувствовал его. В творчестве Бунина мы видим контрастные, на первый взгляд, произведения: с одной стороны – “Сосны”, “Мелитон”, “Захар Воробьев”, “Аглая”, а с другой – “Ночной разговор”, “Ермил”, “Деревня”, “Петлистые уши”. Подобную неоднозначность русского человека, в котором цельность граничит с раздробленностью, а святость с звериной жестокостью, Бунин объясняет в “Окаянных днях”: “Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря” [2, 58].

В представлении писателя внешняя жизнь не оказывает существенного воздействия на внутренний мир человека, а потому Бунин стремится понять его прежде всего на эмоционально-чувственном уровне. Это подтверждается наличием в его произведениях персонажей со сходной судьбой, но различным отношением к окружающему миру.

Так, в рассказах “Мелитон” (1900–1930) и “Ермил” (1912) речь идет о караульщиках леса, живущих вдали от людей. Перед нами два разных сознания, что выявляется особенностями композиции. Первый рассказ построен от лица повествователя и представляет собой ожидание исповеди Мелитона, а второй, содержащий историю преступления Ермила, написан от третьего лица, но дает слово и герою.

Повествователь в “Мелитоне” рассматривает человека с точки зрения его социальной принадлежности. В момент первого свидания с караульщиком ему двадцать лет, а во время последнего – перед нами уже взрослый человек. Степень персонификации здесь слабая, мы узнаем о его настроении и образе мыслей с его собственных слов. Повествователь хочет по-

нять Мелитона, но воспринимает его только как представителя крестьянского сословия, которому, согласно традиционному для народной литературы взгляду, свойственно иметь вполне определенный круг интересов: семья, служба, религия. Провоцируя Мелитона на разговор, повествователь затрагивает каждую из этих тем и ожидает, что тот будет говорить о своей жизни с охотой, искать сочувствия. Мелитон же не видит необходимости в разговоре, а потому перед расспросами барина чувствует себя беспомощным (“Он просто и беспомощно взглянул на меня”) [1, I, 351].

Бунину необходима дистанция между героем-повествователем и автором для того, чтобы показать проблему непознаваемости чужой жизни. Мелитон для Бунина вовсе не однозначен. Согласно концепции писателя, человек “больше чувствует, ощущает, вспоминает, чем мыслит и поступает” [4, 98]. В отличие от повествователя, который полагает, что с помощью расспросов сможет понять Мелитона, автор полагает, что таким образом невозможно постижение загадки героя.

В произведении рассказывается о двух приездах повествователя к Мелитону, и дважды разворачивается ситуация несостоявшегося диалога. Двигается фабула, а сюжет повторяется, показывая, что мировоззрение повествователя не меняется. Таким образом, в центр авторского внимания попадает и сам повествователь, который выражает точку зрения типичного либерала девятнадцатого века, рассматривающего человека в историко-социальном аспекте.

Бунин спорит с подобным подходом к человеку. Расспросы повествователя лишь отдалают героев друг от друга. У Мелитона особое отношение к миру, к жизни и смерти. Повествователя поражает его “готовность лечь под святые” когда угодно” [1, I, 350]. Автор пытается осознать, что лежит в основе подоб-

ного мироотношения. Мелитон живет в гармонии с миром и самим собой и не нуждается в сочувствии и сопереживании. Несостоявшийся диалог показывает, что человека нельзя понять логически, так как он изначально иррационален.

Рассказ “Ермил” представляет собой изустно воплощенный монолог. Мы ничего не знаем о рассказчике, он внешне нейтрален и свою позицию словесно не обозначает. Создается впечатление, что события записаны со слов главного героя. Рассказчик несколько приближен к герою, так как является очевидцем событий: *“В наших местах есть довольно большой лес, который зовут Островами. Вот что случилось в нем несколько лет тому назад, на Святках...”* [1, II, 398]. В рассказе Бунин применяет “феноменологический” принцип, который наиболее ярко проявляется в описаниях, характеризующих состояние героя, когда “метафора и эпитет из общезначимых и “объективных” становятся субъективными” [5, 92]: *“Ух, как зловеще шумел невидимый лес в те черные, непроглядные ночи, когда, как говорится, хоть кричи, не докричишься...”* [1, II, 398]

Если в “Мелитоне” форма повествования от первого лица подчеркивает невозможность познания души караульщика (Мелитон немногословен и не понимает смысла обращенных к нему слов), то в “Ермиле” Бунин показывает внешне противоположную ситуацию: герой охотно говорит о своей жизни и, кажется, объясняет причину совершенного им убийства. Однако его душа остается не менее загадочной, чем душа Мелитона. Это происходит от того, что Ермил сам не до конца осознает, по какой причине убивает. Здесь, как и во многих других произведениях, автор затрагивает проблему ценности человеческой жизни, как своей, так и чужой, в восприятии мужика.

В бунинском герое проявляется не столько жестокость и бессердечие, сколько более сложное качество, когда *“безразличие к смерти и небрежность к жизни определяется не восточным фатализмом, а некой неземной, оторванной от ненавистных будней невесомостью и легкостью”* [5, 167-168]. Писатель пытается определить, что движет героями в их стремлении заглянуть за границу земного существования, с готовностью сделать шаг в мир иной.

Бунин, не раз говоривший о своем страхе смерти, часто обращается к тем героям, которым подобное чувство неведомо. Отношение человека к смерти определяет всю его жизненную философию, особенности которой писатель объясняет не какими-либо внешними со-

бытиями, а наличием глубинного пласта сознания, который связывает современного человека с его предками и самой природой.

Собственная повседневная жизнь не ощущается бунинским героем как нечто подлинное, а потому и поведение часто становится маской и ролью. Так, в “Ермиле” сама подготовка к преступлению напоминает игру, примерку роли хитрого, жестокого и хладнокровного убийцы. Ему неважно, кто будет убит.

Несмотря на то, что внешне Ермил действует самостоятельно, писатель показывает, что выбор жертвы не случаен, а предопределен судьбой. Неизбежность смерти Ваньки Махора обозначена его сходством с бараном — жертвенным животным: *“...лицо его было длинно, крупно и очень бледно, взгляд бараний, белый, прям и нагл”* [1, II, 406].

И Ермил уже не соответствует тому образу *“малорослого, коротконогого, морщинистого мужичишки”* [1, II, 398], в котором он предстал в начале рассказа. Он наделяется загадочностью, становится обладателем силы и власти. Герой вообразил, как должно все произойти, и не сомневается в том, что так и будет. И уже сложно понять, предугадал ли Ермил свою судьбу или придумал ее, заставив события развиваться по сочиненному им сценарию.

Смена роли караульщика, который боится и “лиходеев”, и мрака леса, на роль убийцы уничтожает не только “страх злых людей”, но и то, что находится по ту сторону материального мира: явившемуся во сне отцу герой говорит: *“Я теперь тебя не боюсь”* [1, II, 407]. Не случайно ему видится сон накануне убийства. Мотив сна, один из самых продуктивных в творчестве Бунина, как правило, связан с мотивом рока. Во сне возможно смещение времени и пространства, соотнесение настоящих событий с судьбами прошлого. Сон подразумевает “зрячесть” духа, требует от героя работу души. Однако Ермил не только не воспринимает сон как знак, предупреждение, но и вообще не обращает на него внимания.

Власть над жизнью и смертью другого человека дает ему чувство превосходства над людьми. Возникает парадоксальная с точки зрения житейской логики ситуация: факт убийства не только не мучит Ермила, но, наоборот, дарует ему душевное спокойствие, идущее от осознания собственной значимости. Лишение человека жизни становится способом его самореализации.

Ермил выбирает для себя роль убийцы интуитивно, сам не до конца понимая, с какой целью он его совершает: первоначальное стремление защитить себя перерастает в жела-

ние совершить убийство ради самого убийства: *“Теперь, если бы ему сказали, что никто к нему не придет, он бы, кажется, молить стал о том”* [1, II, 404]. Двойственная мотивировка преступления проявляется в его словах, произнесенных на суде: *“Злые люди загубить хотели, а я того весь век ждал”* [1, II, 409].

Бунин показывает, что настоящая причина, влияющая на поведение героя, его отношение к чужой жизни, кроется в той “темной силе”, которую чувствует Ермил и которая становится частью его самого.

Важной деталью, определяющей истинную суть Ермила, являются желтые глаза. Желтый цвет в произведениях Бунина часто приобретает особую семантику: он принадлежит сфере бессознательного, иррационального, выступает как предвестие беды. Люди избегают Ермила, чувствуют угрозу, исходящую именно от его желтых глаз. Не случайно *“орал за ним”* Ванька Махор: *“Погоди, погоди, я те подыму со лба волосы!”* [1, II, 402] Ермил живет, *“надвинув шапку на глаза”*, чтобы скрыть то, *“что далеко не так он прост, как думают”* [1, II, 398]. Именно в пронзительных желтых глазах фокусируется то глубинное, неигровое начало, которое не всегда осознается самим героем. С помощью цветовой детали автор показывает, что в Ермиле, помимо “Я” разумного присутствует “Я” глубокое и темное, “Я” древнего предка, вместившее в себя грозную силу человеческой природы, которая живет своей таинственной жизнью и не поддается логическому объяснению.

Оказывается, что практически невозможно увидеть истинное лицо мужика за той маской, которую он на себя надевает. Исповедь героя является рассказом не о себе, а о хорошо исполненной роли убийцы. Ложным является и его раскаяние. Более того, Ермил горд своим преступлением: отбывая наказание в монастыре, на предложение постричься в монахи он говорил: *“Нет, я дюже преступный”* [1, II, 409]. Таким образом, исповедь героя не приближает к разгадке его тайны.

И Мелитон, и Ермил, так же как и другие персонажи бунинских произведений, не могут быть поняты исходя из анализа их слов и поступков. В этом писатель противостоит литературе девятнадцатого века, где “герой был типичен, воплощая культурные силы, по отношению к которым он в той или иной степени был свободен” [4, 103]. В концепции Бунина человек наделен теми неизменными “феноменологическими” свойствами, которые присущи людям во все времена. По мнению Г. Ю. Карпенко, в рассказе “Петлистые уши” Бунин объяс-

няет склонность героя к преступлениям наличием в нем одной *“из тех неизбежностей человеческой природы, которая повсеместно реализовывалась, начиная с библейских времен, и успешно осуществляется в современной истории, — это страсть к насилию”* [3, 21]. То же можно сказать и по отношению к Ермилу: осознанная преступность своего поступка, он “с удовольствием” поддается искушению убить человека, следуя внутренней необходимости реализовать заложенную в него природой *“самую свирепую и самую обыденную жестокость к так называемому ближнему”* [1, II, 569].

Пытаясь понять тайну русского человека, Бунин соотносит своих героев с такими важными для него понятиями, как природа, вера, память.

В “Мелитоне” главный герой представлен как гармоничная часть окружающего мира. Связь героя с природой показана на уровне цвета: описания караульщика и пространства, окружающего его, находятся в одной гамме природных оттенков. В изображении Мелитона встречаются цвета: *“бледно-бирюзовые глаза”*, *“бирюзовые глаза”*, *“белая рубаха”*, а также определение, косвенно указывающее на цвет, — *“чистый”* (*“...чисты портки и рубаха”*, *“подбородок чисто пробрит”*). В восприятии повествователя и вся жизнь караульщика характеризуется как “чистая”. В пейзажах рассказа также преобладают светлые цвета и оттенки. Слово *“светлый”* в различных формах употреблено семь раз, трижды — определение *“свежий”* (*“свежая поросль осин”*, *“лес похолодевший, свежий”*, *“начали свежо и отчетливо бить перепела”*), примерно шесть слов со значением *“блестеть, излучать свет”* (например, *“бенгальским огнем посыпался иней”*, *“Большая Медведица бриллиантами висела по небу”*) [1, I, 355].

Среди наименований цвета в части рассказа, описывающей первый приезд повествователя, чаще всего встречаются оттенки зеленого: *“зеленоватые кусочки лунной ночи”*, *“небо стеклянно-зеленое”*, *“ярко-зеленый след по седой траве”*. Зеленый выступает как цвет природы, жизни. Не случайно в песне Мелитона тоже упоминается зеленый цвет: *“Слышно было, что рассказывал он в песне про какие-то зеленые сады”* [1, I, 352].

Во время второго посещения Заказа повествователь становится свидетелем молитвы Мелитона. В природе появляются оттенки желтого и красного: *“малиновым шаром”* пробивался сквозь мглу месяц, становясь *“все ярче, все золотистой”*, *“дивной красной звездой засветился огонек в караулке”* [1, I, 353]. Эти

цвета, соотносящиеся в творчестве Бунина с иррациональным восприятием действительности, предвосхищают встречу с Мелитоном, усиливают мотив загадки, обозначают близость героя первобытно-природному восприятию мира.

Мелитон живет в гармонии с природой, которая понимается как часть космоса, вечно существующая стихия.

Если пейзаж в “Мелитоне” передает радость бытия (в нем цветовые оттенки преобладают над ахроматическими), то гамма “Ермила” совсем иная. Рассказ написан в черно-белом цвете, упоминаний основных цветов — около шестнадцати, в то время как ахроматических — более сорока. Природа увиденна глазами Ермила, потому в описаниях почти отсутствуют оттенки, среди цветов чаще встречается “рыжий” (три раза) и “синий” (дважды).

Восприятие героем окружающего мира в черно-белых тонах говорит о неспособности воспринимать красоту природы. Действительность, какой ее видит Ермил, дисгармонична, страшна, темна. Природа для него, как и все вокруг, является враждебным началом. С одной стороны, темнота внушает Ермилу ужас, а с другой — он идет навстречу “темной силе”. Свою принадлежность ей он не осознает, но ощущает. Темный цвет, таким образом, является частью природного мира и в то же время соотносится с героем, обозначает наличие в нем первобытных инстинктов, разрушительной силы. С того момента, когда Ермил начинает готовиться к убийству, темнота перестает его пугать. После совершения преступления Ермил больше не прячет глаза. “*Вызванный, он встал твердо, разобрал густые волосы на потном лбу, откинул голову, отвечал точно, охотно, щурясь добродушно, с хитрецей по-стариковски...*” [1, II, 408]. Природный инстинкт насилия, найдя выход в убийстве, больше не тяготит Ермила.

Склонность к убийству, жестокость — свойства не приобретенные, а заложенные в человека с рождения, а следовательно, неискоренимые, считает Бунин. Смятение, борьба чужды и неведомы с определенного момента душе убийцы. И тогда для преступления отсутствуют какие-либо психологические преграды.

Что касается религиозных мотивов, Ермил кажется набожным, но молитва для него — привычный ритуал, лишенный внутреннего содержания. Свое безверие Ермил не осознает: “*Он всю жизнь полагал, что верит в бога, но только полагал*” [1, II, 402].

Преувеличенное мнение о себе — результат осознания себя избранником, но не бога, а “темных сил”. Соотнося совершенное преступление с существующими моральными законами, Ермил признает свою греховность. Совершив убийство, он нашел выход жестокости, существовавшей в нем помимо его воли. Ермил выполнил то, что ему было предназначено свыше, поэтому он с готовностью и даже радостью принимает положенное в обществе наказание. В роли раскаявшегося грешника он чувствует себя значительнее и увереннее: “*Войдя, он долго крестился на золотой образ в углу, “В монастыре...не было человека работающего его...”*” [1, II, 408]

Вера Мелитона иная. Он готов раствориться в мире. У повествователя герой ассоциируется с отшельником, праведником, а его жилище — со скитом. Мелитон, в отличие от Ермила, не боится смерти. Молитва его умиротворяет, гармонизирует отношения с миром, после нее он “*был особенно тих и ласков*” [1, I, 354]. На свою жизнь Мелитон смотрит с христианским смирением: “*На то и живем-с, чтоб за грехи каяться*”, “*Едят и хуже моего, да и то не гневят бога жалобой*” [1, I, 354]. Чувство родства со всем сущим — часть его души, то, что не может быть осознано, объяснено логически. Оно естественно. Поэтому Мелитон и не понимает, почему барин называет его святым, безгрешным.

Мелитон для повествователя является хранителем лучших черт уходящего, былого крестьянства. Кроткий, незлобивый, живущий в гармонии с природой и собой, Мелитон воплощает светлое начало русского народа. Писатель видел в этом герое черты редкой, вымирающей породы предков. Среди жителей современной ему деревни Бунин все чаще наблюдает отчужденность от мира природы, а следовательно, потерю первобытной мудрости инстинктов, которую автор ценил больше, чем мудрость разума. Современный человек у него “слишком далек от целостности, он аморален и неполноценен, а жизнь его фрагментарна и незначительна” [5, 122].

Отсутствие целостности является следствием того, что люди утрачивают память прошлого. Понятие “прапамяти” является очень важным для понимания концепции художника. Это “*невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственными духовно-вещественными основами бытия*” [5, 10]. Именно в прапамяти, принадлежавшей темной области подсознания, сосредоточена связь человека с прошлым.

Величайшей бедой и серьезным дефектом Бунин считает отсутствие памяти. Ермил, в отличие от Мелитона, не чувствует родства с природой, ни во что не верит, им движет “темная сила”. Разница между героями проявляется и на уровне их портретных характеристик.

В Мелитоне преобладают черты, которые традиционно в нашей литературе ассоциировались с русской нацией: *“Росту он был высокого, телом худ и костляв. Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходящиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина, эти бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаша...говорили о кроткой отшельнической жизни”* [1, I, 350]. В Ермиле преобладают азиатские черты: он небольшого роста, у него густые волосы, маленький лоб, желтые глаза.

Таких носителей памяти о Древней Руси, как Мелитон, Бунин любил до самозабвения. Азиатчину же в том воплощении, какое она нашла в Ермиле, ненавидел. *“Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, “шаткость”, как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона, ” — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емель-*

ка Пугачев” [2, 58], — продолжает Бунин в своем дневнике.

Таким образом, несмотря на разительное несходство, Ермила и Мелитона объединяет то, что они оказываются несвободны в выборе судьбы и жизнь их определяется иррациональными и неизменными чертами, заложенными в них природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 4 т. / И. А. Бунин. — М.: Изд-во “Правда”, 1988.
2. Бунин И. А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин / И. А. Бунин— М.: Мол. гвардия, 1991. — 335[1] с. — (“Возвращение”). — Т. 10.
3. Карпенко Г. Ю. И. А. Бунин о “выродках” / Г. Ю. Карпенко // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов к 125-летию со дня рождения писателя. — Воронеж: Квадрат, 1995. — С. 35-44.
4. Линков В. А. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина / В. А. Линков. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 174 с.
5. Мальцев Ю. В. Иван Бунин / Ю. В. Мальцев. — М.: Посев, 1994. — 432 с.

Рецензент — Г. Ф. Ковалев.